

кругъ вѣрныхъ послѣдователей, но не находятъ себѣ со-
отвѣтственнаго выраженія въ людскомъ общежитіи и не дѣй-
ствуютъ на общественный порядокъ. Мнѣ кажется, что
идеологія Л. Н. Толстого носить на себѣ именно эти послѣднія
черты. Мы цѣнили его какъ мыслителя за его по-
стоянное, страстное исканіе истины, мы преклоняемся передъ
его стремленіемъ къ правдѣ и видимъ въ немъ какъ бы
осуществленіе нашей совѣсти; но скажемъ откровенно: много-
ли найдется такихъ, кто вполнѣ раздѣляетъ его міросозер-
цаніе, а главное рѣшилъ жить или живетъ, согласно его
ученію? Ко Л. Н. Толстому, примѣнимо то, что онъ сказалъ
о Хельчицкомъ: онъ слишкомъ опередилъ свой вѣкъ. Но
этого мало: по основнымъ свойствамъ своего міровоззрѣнія
Л. Н. и не могъ быть практическимъ дѣятелемъ—проповѣд-
никомъ своихъ идей въ широкомъ смыслѣ этого слова, ибо
въ основѣ его міросозерцанія лежала не столько сила идей-
ной проповѣди, сколько собственное нравственное усовершен-
ствованіе и вліяніе личнаго примѣра жизни на окружаю-
щихъ.

Любопытно, что и у Г. С. Сковороды былъ такой же другъ
и ученикъ М. И. Ковалинскій, какъ у Л. Н. Толстого Чер-
тковъ. Ковалинскій написалъ біографію своего учителя и
составилъ надгробную эпитафію, которая начинается такъ:

Ревнитель истины, духовный богочецъ,
И словомъ, и умомъ, и жизнію мудрецъ,
Любитель простоты и отъ суеты свободы.

Она даетъ вѣрное представленіе о духовномъ обликѣ
украинскаго философа и о близости его съ Л. Н. Толстымъ.
Конечно, всѣ сдѣланныя нами сближенія сами по себѣ еще
не устанавливаютъ окончательно факта знакомства Л. Н.
Толстого съ личностью и сочиненіями Г. С. Сковороды. Но
благодаря счастливому случаю, оказывается возможнымъ
доказать, что такое знакомство дѣйствительно имѣло мѣсто.
Оно удостовѣрено г. Измайловымъ, который пишетъ:

„Въ единственный и вѣчно памятный вечеръ, когда
мнѣ выпало счастье видѣть Толстого и говорить съ нимъ,
въ бесѣдѣ о Христѣ и христіанствѣ я къ слову упомянулъ
имя извѣстнаго Григорія Сковороды. Ахъ, вы знаете Сково-